

ОБРЕСТИ ДОМ И НАДЕЖДУ

Книги Даниэлы Сакердоти — это настоящая магия, сотканная из теплых душевных историй. Дебютный роман писательницы был очень успешным, получил десятки положительных отзывов. Даниэла создает уникальные сюжеты, где переплетаются реальность и вымысел, обнажая человеческую душу.

Анна и Тоби расстались. Шокированная разрывом между родителями, маленькая Ава теряет способность говорить. Но через три дня дар речи возвращается к девочке. И вместе с ним — странные воспоминания, как будто из другой жизни. Она твердит о прекрасном шотландском острове и называет его домом. Чтобы разобраться во всем, Анна с дочерью приезжает в Шотландию. Там они знакомятся с Сорреном. Его сестры не стало пятнадцать лет назад, но в рассказах Авы он узнает ее, трагически погибшую Айлу... Что связывает всех этих людей? Какая тайна?

Загадочная и фантастическая атмосфера, которая согревает сердце.

Кати Ффорд, писательница-романист

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-4780-2

9 786171 247802

Даниэла Сакердоти

Не дай
меня
в обиду

Даниэла
Сакердоти

Не дай
меня
в обиду

Даниэла Сакердоти

Daniela Sacerdoti

*KEEP ME
SAFE*

A NOVEL

Даниэла Сакердоти

*НЕ ДАЙ МЕНЯ
В ОБИДУ*

РОМАН

УДК 821.111
С15

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Публикуется с разрешения *United Agents LLP*
и *The Van Lear Agency LLC*

Переведено по изданию:
Sacerdoti D. Keep me safe : A Novel / Daniela Sacerdoti. —
London : Headline Review, 2017. — 352 p.

Перевод с английского *Татьяны Кирилук*

Дизайнер обложки *Юлия Маланьина*

ISBN 978-617-12-4780-2
ISBN 978-1-4722-3501-5 (англ.)

- © Daniela Sacerdoti, 2017
- © Depositphotos.com / Alex-Lipa, monkeybusiness, Igor-Tishenko, Irochka, обложка, 2018
- © Hemigo Ltd, издание на русском языке, 2018
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2018

Посвящается Россу

Полночь: утомленное днем солнце раскрашивает небо в мягкие краски,
Холодный золотистый и красный превращаются в серебристый иней.
Потемневший океан окрашивается в тускло-зеленый,
Поглощая тлеющие угольки раскатами шепота.
Где-то невидимый кроншнеп издает крик
И, оставшись без ответа, вонзается в темноту.

Загораются первые звезды — колокола, издающие холодную музыку.
Поднимется изогнутый, тонкий месяц, усиливая бледное свечение,
Отбрасывая полосу блестящего ожерелья на молочно-белом песке.
Легкий ветерок, словно теплое дыхание,
Окутывает равнину, пока дремлющие цветы распускают
Сладкий аромат над спящими островами.
Соль и морские водоросли, парфюм жизни и смерти.

Ночь постепенно входит в права, тихо, но ощутимо,
Она звучит как мелодия сна — вызывая звук ржавого барабана.
Восточное сливается в полете с красками.
Ярко-желтое солнце, бирюзовое море,
розовые орхиден, желтый, голубой.
Покрасневшие языки пламени обволакивают торф утреннего пожара.
Собиратели устриц на цыпочках ищут ракушки в лучах рассвета.

Ночь снова стала легким сожалением,
оставшимся на струнах скрипки.
Утренняя мелодия снова наполняет воздух.

*Росс Волкер,
«Ночь на Гебридах, середина лета»*

Пролог

Маленькая душа

Я там, где нет ни дня, ни ночи. Я вне времени. Там нет никого, кроме меня, только крохотные огоньки кружатся и сверкают вокруг. Даже дуновения ветра не ощущается. Иногда я чувствую, как его порывы проносятся сквозь меня, касаясь своими дымчатыми невидимыми руками. Их дыхание пробирает до дрожи. Я слышу их шепот, слышу, как они говорят о своей жизни и смерти, прислушиваюсь.

Столько историй!

Столько любви, боли, счастья, печали, столько жизней и столько смертей!

Я пытаюсь позвать их, остановить, хочу поговорить с ними. Но они не слышат, следуя дальше, испаряясь в невидимых струях клубов тумана. Блестящий огонь вдалеке и воспоминание, тень их истории — это все, что осталось. И я снова одна.

Теперь я кое-что знаю, то, чего не знала раньше. Я так долго прислушивалась к шепоту, была знакома со столькими жизненными историями! Когда-то я была ребенком, но теперь уже нет, после всего, что узнала и услышала. Окунаясь в пучину человеческих душ, я прислушиваюсь к голосам тех, кто рядом. Я слушаю их и понимаю, что в их сердцах.

Я помню то время, когда была ребенком. Помню, как за мной пришло море. Оно было сильнее меня, сильнее тех, кто меня любил.

Всегда чувствовала, что нужна ему; и ему практически удалось забрать меня, когда я была еще совсем малышкой, но мой отец отстоял меня и забрал домой, насквозь промокшую и удрученную. Помню, что тогда они с мамой недоумевали, как можно было допустить такую глупость. Я следила за ней, правда, и я знаю, что ты следила. Слава богу, она здесь, хорошо, что ты привел ее домой.

И вот море снова вернулось. Из глубины детской души раздался крик:

Прошу, отпусти меня.

Прошу, отпусти меня домой.

Море, пожалуйста, не забирай меня.

Море, прошу, верни меня.

Я продолжала плакать без устали. Мне казалось, что я задыхаюсь, но я даже не чувствовала собственных слез, ведь вода была повсюду. Я не могла наполнить легкие воздухом. И в какой-то момент все успокоилось, почернело, и стало тепло. Я больше не ощущала ни боли, ни холода. Я спасена, казалось мне. Но на самом деле все было иначе. Я утонула.

Когда тьма рассеялась и я снова могла четко видеть, я увидела перед собой золотистый огонек. Оттуда доносились голоса, которые звали меня. Свет вел меня за собой, будто море, в котором я утонула. Голоса были полны нежности, обещали окружить любовью, и мне хотелось добраться до них. Я нуждалась в их объятиях, ведь я была так напугана и мне было так больно! Но мне нужны были мама и папа.

Я не могла пойти туда, не могла оставить их. Не могла оставить свою семью.

Я отвернулась от золотистого огонька — и меня страшно испугали серость и одиночество. Вокруг все пришло в запустение. Создавалось впечатление, что я была последним человеком на планете, единственным. Обернувшись, я обнаружила, что голоса и огонек исчезли. Я осталась в этой серости одна.

Меня окружили крохотные огоньки. Они были повсюду — над головой, под ногами, маленькие сверкающие огоньки.

Что ж, теперь я здесь, брожу и прислушиваюсь к звукам, иногда плачу, иногда напеваю когда-то знакомые мелодии. Вокруг все серо и мягко. Ощущение, будто оказалась в коже шерсти.

Не могу сказать с уверенностью, много ли времени прошло.

Не знаю, где я.

Знаю только, что хочу домой.

В тумане шепот разносится эхом, как и мои тихие всхлипывания и мелодии, которые я напеваю. И вот в один прекрасный день, если в том месте, где я нахожусь, существует такое понятие, я слышу что-то новое, и это не эхо. Кто-то зовет меня. Вокруг меня начинают кружить огоньки, словно слышат то же самое, а порывы ветра превращают туман в медленно плывущие клубы.

Проходя мимо маленьких свечей, иду на голос, чувство радости переполняет меня. Такое ощущение, что я никогда такого не испытывала, будто это происходит со мной впервые. Все так ново! Здесь тепло, как в лучах солнца, мне хочется одновремен-

но смеяться и плакать, и я бегу, бегу навстречу тому, кто зовет меня. Должно быть, это мои родные, наверняка это они. Вот она я, я здесь, беззвучно кричу я, протягивая руки вперед сквозь белый туман. Крики и плач слышны отовсюду, мама, пожалуйста, возьми меня за руку и забери домой! И она берет меня за руку и притягивает к себе.

На мгновение все вокруг темнеет, и я открываю глаза.

1

Снег в марте

Анна

Новость о том, что я беременна Авой, свалилась на голову, как снег в марте. У меня совершенно не было времени гадать о причинах этого чуда. Я слишком много работала, слишком о многом беспокоилась. Учítывая все бытовые проблемы, тошноту по утрам и усилия, которые я прилагала, чтобы не уснуть во время ночных смен, у меня не так уж и много времени оставалось размышлять над тем, что в моем животе поселилось человеческое существо и оно непрерывно росло. Существо с глазами, ушами, руками, ногами и сердцем. Но не только. Она была чем-то большим, чем просто тело со всеми его частями. Внутри ее обитали душа, которая находилась на стадии развития, сознательность, гамма чувств, мысли, которые были словно искры в ее маленьком мозгу.

Я переживала по поводу того, как буду воспитывать ребенка, работая по ночам, без денег и помощи семьи, в то время как мужчина, который наградил меня этим, был все время занят какими-то проектами. Он вечно был в разъездах, пока я справлялась с приступами рвоты и рыданиями, изучая палаты с новоиспеченными мамочками, возле которых в пластиковых кроватках спали их малыши, не веря, что скоро их ряды пополню и я.

Я не могла спать, а когда мне все же удавалось заснуть, снились странные сны — вода и море с серыми волнами, которые поглощали меня. Тоби нежно гладил меня по тогда еще едва заметному животику и обещал бросить мир к моим ногам, обещал, что сделает для нашего ребенка все; конечно же, я больше не верила ему, но и не хотела, чтобы мой ребенок рос без отца, как я.

Я знала, что должна родиться девочка. Не просто какая-то девочка, а *Ава*. Я так сильно любила ее, что это сводило меня с ума. Каким-то образом в глобальной лотерее по воспроизведению потомства, за которой я ежедневно наблюдала на работе, именно эта малышка, *эта* и никакая другая из миллиона возможных комбинаций, досталась мне. Тогда я вспомнила слова старой песни, которую когда-то напевала моя бабушка-шотландка:

Среди всех малышей из морских глубин
Ава была предназначена мне...

Заправляя постель, бегая за подгузниками для акушеров, наводя порядок, я постоянно осознавала ее присутствие, словно слышала мелодию, которая играла в голове. Мой живот становился все больше, а вместе с ним и страхи и любовь к ней. Я всматривалась в лондонский пейзаж за окном кабинета для медперсонала, и мне казалось, что в этом восьмимиллионном городе никого больше не существует.

Прошли месяцы, прежде чем моя тайна открылась: живот уже невозможно было скрывать. Ава всякими способами общалась со мной, только не словами. *Я знаю тебя, малышка, всегда знала, думала я, выбирая шторы в детскую и колыбель и мечтая о дне, когда она окажется у меня на руках. Я люблю тебя и всегда любила, шеп-*

тала я, отдыхая днем в ожидании очередной изматывающей ночной смены.

Я лежала наполовину обнаженная, а изнутри меня разрывало это маленькое существо, мое тело съезживалось снова и снова. Когда же спустя, как мне казалось, несколько дней она наконец-то вышла из меня, я посмотрела ей в глаза. Они были едва открыты и казались черными, как у пришельца.

Тогда в голове промелькнула странная мысль: я сама себя обманула, думая, что знаю ее, эту маленькую душу, которая находилась внутри меня в ожидании, это создание, для которого я была лишь средством попасть в этот мир.

Я совершенно не знала ее. Не имела ни малейшего представления, кем она являлась.

Никогда и никому я об этом не рассказывала — о том, что не узнала в ней ту, кого ожидала узнать, и что никогда раньше не испытывала такого ощущения, как когда говоришь себе: *Конечно же, это всегда была ты.*

Осознание того, что ты вот-вот встретишься с существом, которое жило в тебе на протяжении девяти месяцев, было не таким. Я не знала, кто она, никогда не знала. Она была кем-то другим, совсем не той маленькой жизнью, какую я себе представляла.

Невозможно описать это странное чувство. Люди не очень-то торопятся делиться такими вещами, а в голове после родов такой бардак. Неизбежно возникают странные мысли.

Но вскоре после того, как Ава подросла, превратившись в себя, а у меня начался новый жизненный этап, я об этом забыла. Ава и Анна — теперь это была наша маленькая семья.

Глаза моей дочери больше не напоминали о пришельцах, и теперь она целиком стала собой. Теперь я ее знаю. Аве Элизабет Харт шесть лет. Она счастлива, энергична и бесстрашна. Я никогда не была такой. Она так не похожа на меня, и все же она — моя, она часть Тоби и меня и в то же время сама по себе.

Но когда все началось, когда Ава рассказала о своей жизни до встречи со мной, рядом с людьми, которых я не знала, в тот день я снова вспомнила о том, как она появилась на свет. Вспомнила тот самый момент, когда взяла ее на руки, закутанную в белую простыню, со следами крови на волосах, и она открыла свои бездонные, словно мир, глаза. Первое, о чем я подумала, было: *Я люблю тебя*, а второе: *Где же ты была раньше?*

2

Все, что останется

Анна

Я всегда знала, что однажды это произойдет. Всегда знала, что Тоби оставит нас когда-то; меня даже удивляло то, что он так долго тянул. Несмотря на все мои усилия, мне не удалось сохранить наш брак, который дал трещину.

Я с ужасом ждала дня, когда он оставит нас, и не из-за себя — все мои чувства к нему давно иссякли, — а из-за Авы. Она была так привязана к нему, даже в те минуты, когда он обижал ее. Она обожала своего отца; маленького ребенка совершенно не заботило, заслуживает ли он этого.

Как-то в один из зимних вечеров наша няня Шерон позвонила мне на работу и рассказала, что домой приходил Тоби, сложил в чемодан кое-какие свои вещи и уехал. Я будто вкопанная замерла на месте с телефонной трубкой в руке. Я могла только догадываться, что чувствовала Ава, рыдая и с ужасом наблюдая за тем, как ее отец носит по дому, собирая вещи.

Для нее все, что произошло, было как гром среди ясного неба, собственно, как и для меня, хотя я столько раз проигрывала этот сценарий в голове, что у меня возникло ощущение deja vu.

Шерон добавила, что он оставил для меня записку, а малышка после его ухода плакала навзрыд.

Она сказала, что перед тем, как уйти, он поговорил с Авой, объяснил, что ему очень жаль, но он вынужден уехать куда-то далеко-далеко и что нам без него будет лучше; сказал, что чувствует себя неудачником, что перепробовал все, но ничего из этого не вышло.

И все это он высказал своей шестилетней дочери!

Я была вне себя от ярости. Повесив трубку, помчалась к старшей сестре сообщить, что мне срочно нужно домой. Я была здесь новенькой — наконец-то, после того как я несколько лет была на побегушках и училась по ночам, пока Ава спала, мне удалось получить диплом. Теперь я работала от агентства.

Я стрелой вылетела на морозную вечернюю улицу, заскочила в поезд, потом пересела в другой. Все было будто в тумане, в глазах стояли слезы, но не от сожаления, а от злости. Он причинил Аве боль. Он сделал то, чего простить ему я не могла. И это после того, как я столько лет уговаривала себя оставаться с ним, чтобы у Авы была семья...

Ворвавшись в нашу квартиру, я увидела, что Ава сидит на диване и смотрит «СиБибис»¹, сжимая в руках свою любимую куклу. Ее глаза опухли и покраснели, но она уже не плакала, сосала пальчик. Я давно пыталась отучить ее от этого. Она выглядела такой маленькой и растерянной!

— Ава, золотце... — обратилась я к ней, присев рядом.

Она продолжала неподвижно сидеть, даже не взглянув на меня.

— Ава...

— И так уже около часа. Она не проронила ни единого слова, — прошептала Шерон. На ее лице кофейного оттенка отражалось беспокойство.

---

¹ «СиБибис» (CBeebies) — английский детский телеканал. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

У меня сердце стало биться чаще и задрожали руки — такие знакомые признаки паники.

Я сжала дочь в объятиях. Она не сопротивлялась, склонила голову мне на грудь, не переставая сосать пальчик. Я стала гладить ее длинные черные волосы, молочно-белое личико и миндалевидные глаза. Они вполне могли достаться ей от какого-то загадочного дальнего родственника из Азии.

— Все в порядке. Мамочка здесь... А где записка? — понизив голос, спросила я Шерон, не выпуская Аву из объятий.

Шерон поспешно достала свернутый вчетверо лист бумаги и протянула его мне.

Дорогая Анна,

Мне так жаль, что я доставлял тебе лишь неприятности. Я уезжаю в Мельбурн, проживу немного у приятеля и надеюсь получить рабочую визу. Аве я все объяснил, она не должна сильно расстроиться...

Я готова была убить его.

...Ты заслуживаешь кого-то, кто сможет позаботиться о тебе как следует. А Ава заслуживает достойного отца...

В этом ты прав.

Без меня вам с Авой будет лучше. Пожалуйста, напоминай ей, как сильно я люблю ее.

Тоби

А здесь ты ошибаешься, Тоби, сказала я себе. Очень ошибаешься. Без тебя *мне* будет лучше, но не Аве. Ты тупой,

безответственный, эгоистичный мужчина, который не смог удержаться ни на одной работе, который готов выложить тысячи фунтов за престижную машину и жить впроголодь, который может кормить Аву мороженым на обед и ужин, а потом носиться в панике, недоумевая, почему ее вырвало; ты тот, у кого никогда не было времени на посещение детского врача, но для ежедневных встреч с друзьями оно всегда находилось — и ты нужен своей дочери.

Ты не просто тот, кто мог бы позаботиться о нас, а отец. Но ты решил уехать.

— Малышка, все будет хорошо, — прошептала я, крепко прижавшись к волосам Авы, держа ее за покрывшуюся пятнами ручку.

Я почувствовала, как она едва слышно вздохнула. Этот вздох был полон горя и ощущения утраты, и она не знала, как еще выразить эти чувства.

Стемнело, а Ава продолжала молчать. Мы и поужинать успели, но она лишь неподвижно сидела за столом перед нетронутыми тарелками. Рыбные палочки с пюре, сэндвич с ветчиной, томатный суп. Ничего не привлекало ее внимания.

— А давайте закажем пиццу! — предложила я, стараюсь, чтобы мой голос звучал бодро или, по крайней мере, нормально. Меня начало охватывать отчаяние.

— Что ты сказала? Пицца? — снова обратилась я к ней. Накатила усталость, сдавливая голову, меня стало подташнивать. Ответа не последовало. — Пожалуйста, Ава! Ты же ничего не ела с самого утра.

Она продолжала сидеть молча, глядя на меня с отсутствующим видом.

Я позвонила в клинику, затем в агентство — сообщить, что у меня заболела дочь и мне нужно взять пару выход-

ных. Конечно же они не обрадовались, но все-таки нехотя согласились дать мне незапланированный отпуск. Потом я набрала номер Шерон и сказала, что какое-то время она мне не понадобится, но я буду продолжать платить. После этого я позвонила матери Тоби. Не знаю зачем. Вряд ли я могла рассчитывать на сочувствие или помощь. Чтобы ее сын ни сделал — по уши залез в долги, уволился с очередной работы, оказался избитым теми, кому задолжал, она всегда могла найти ему оправдание и начинала кричать, что он такой ласковый мальчик и в том, что он *немного незрелый*, его вины нет.

— Вы знали об этом?

— Об Австралии? Да. Он просил не говорить тебе, пока не будет готов...

— Зато он рассказал об этом Аве. *Перед тем как сообщить мне*. Сказал, что уезжает и нам без него будет лучше. Господи, Аве всего шесть!

— Он запутался. Он просто мальчик, который запутался и которому некому дать дельный совет, — сказала она.

— Он совсем не мальчик, Джиллиан.

Да, Джиллиан много о чем не знала. Тоби давно не был мальчиком, он был мужчиной, который позволял себе срываться на мне каждый раз, когда что-то шло не так, как ему хотелось, мужчиной, который всегда знал, что сказать, чтобы заставить меня чувствовать себя ничтожной. Но его матери ничего не было известно об этом. И она никогда об этом и не узнает, ведь это разобьет ей сердце. А одного разбитого сердца более чем достаточно.

— Ты же знаешь, что для матерей они навсегда остаются маленькими мальчиками! — Она засмеялась. Это показалось мне глупым. Но злиться на нее не было смысла.

— Приятно осознавать, что отец моей дочери — мальчик, — прошипела я.

После небольшой паузы Джиллиан завела свое привычное, повторяемое, словно мантра, каждый раз, когда она пыталась оправдать какой-либо поступок Тоби:

— Он не был готов стать отцом.

Прозвучало так, будто в этом я виновата. Так, вроде бы я это спланировала. Закрыв на секунду глаза, я мысленно стала проклинать тот день, когда поддалась его обаянию и безмерному оптимизму. Я была молода, одинока и отчаянно жаждала привязанности после детства, лишённого тепла и любви; и я повелась на его обещания.

— Джиллиан, если он позвонит, передайте, что мы больше не хотим его видеть. Никогда.

— Что? Но ты не можешь запретить ему видеться с дочерью! — завопила она срывающимся голосом, а потом спросила, как я могу быть такой бессердечной.

Я положила трубку.

— Золотце, ну давай! Может быть, печенье? — еще раз попыталась я.

Я бы испекла шоколадное печенье в надежде на то, что это занятие поможет мне хотя бы немного преодолеть смятение, а Ава соблазнится и съест хоть что-то.

Но она продолжала молчать. На меня смотрели два темных озера безмолвной грусти, резко выделяющиеся на ее белом лице.

Я готова была разрыдаться, но не могла допустить, чтобы Ава это увидела. Вместо этого я заботливо отвела ее в ванную, наполнив ванну теплой водой с пеной. Говорила с ней тихо, но она ни разу не отозвалась. Затем я отвела Аву в ее комнату, одела в пижамку с надписью «Маленькая Мисс Счастье», высушила ей волосы и уложила вместе с Камиллой в постель. И сама легла рядом. Я наблюдала за тем, как она то и дело переворачивается с бо-

ка на бок, пока мы обе не уснули. Ава не разговаривала три дня.

Наступил рассвет четвертого дня молчания. Я лежала на матрасе в ее комнате после очередной бессонной ночи. Мы ездили к врачу. Не могла больше закрывать глаза на то, что произошло нечто ужасное. Что что-то внутри ее сломалось. Приподнявшись, я оперлась на руку. Она спала на спине. Ее грудная клетка размеренно поднималась и опускалась.

Спящая красавица, на которую кто-то наложил заклятие. Моя доченька, она была такой красивой, такой крохотной и уязвимой! У меня сердце обливалось кровью, когда я думала о том, что не могу защитить ее от всех бед на свете, от всего, что могло бы расстроить ее или причинить ей вред, защитить от душевной боли, от которой в детстве не защитили и не спасли меня. Еще я думала о том, что не смогла найти ей отца получше, да и вообще отца, — она ведь будет расти без него, как когда-то я. Возможно, мне не следовало так много работать все эти годы... Возможно, все те бессонные ночи, которые я провела над учебниками и, как следствие, накопившаяся усталость, из-за которой я едва могла говорить, постепенно убивали нашу семейную жизнь. Но я должна была получить образование, должна была сделать что-то для себя — мне *необходимо было* обрести профессию. Столько лет, моя полы, я наблюдала за тем, как медсестры выполняют свою восхитительную работу. Но я знала, что способна на большее, я могла дать больше.

Но я ведь делала это и ради Авы, хотела обеспечить ей хорошее будущее, предоставить возможности, каких не было у меня самой.

Мои глаза снова наполнились слезами, но я сдержалась и не заплакала. За эти три ужасных дня я плакала только

один раз, и то только когда убедилась, что Ава крепко спит. Я не могла допустить, чтобы она увидела, как я плачу, и встревожилась еще больше.

Внезапно она зашевелилась, а потом резко ударилась головой о стену. Едва слышно хныкая, она начала ворочаться. Присев на кровать, я сжала ее крошечное тело в объятиях. Она заплакала, а потом плач перешел в рыдание. Оно возносилось к небу и глубоко ранило мое сердце. Еще ужаснее было то, что она плакала, не открывая глаз. Было ощущение, что боль, накопившаяся где-то внутри ее за три дня тишины и оцепенения, вырывалась наружу.

— Шшш... Мамочка здесь... — По моим щекам тоже текли слезы. Я не могла это вынести. Не могла смотреть на то, как мою маленькую дочку разрывает от боли.

— Мамочка! — крикнула она и снова разрыдалась, как кто-то брошенный, как тот, кто остался один на всем белом свете.

Я чувствовала, что она хочет сказать: *меня бросили, я растерялась*, — и я прижала ее к себе еще крепче.

— Я здесь, малыш. Я здесь, с тобой, — прошептала я ей на ушко.

Внезапно она напряглась; я почувствовала, что она вся сжалась, как в те моменты, когда злилась, будучи еще совсем крохой. Мое сердце замерло. Потом она наконец-то расслабилась. Ее реснички, склеившиеся после сна и от слез, едва заметно затрепетали.

— Ава, Ава! — вскрикнула я.

Наконец-то она открыла глаза.

— Мамочка, — прошептала она.

Мое сердце ликовало. Она снова заговорила!

— Ава...

— Мамочка, — повторила она.

— Я здесь...

Она часто моргала, изучая мое лицо. Потом посмотрела мне прямо в глаза, будто не узнавала меня, и произнесла слова, которых я никогда не забуду. Никогда не забуду тот момент, когда, прижавшись ко мне так, что наши носы касались друг друга, она спокойно и тихо спросила:

— Где моя мама?

— Где моя мама? — спросила я мисс Картер, свою учительницу.

Мне было шесть, на мне была длинная белая туника из треугольного куска блестящей ткани с отверстием для головы посередине и корона из фольги на голове, но мне казалось, что на мне вечерний наряд моей мечты. Я помню, что меня переполняло чувство гордости. В этом костюме я ощущала себя одновременно и принцессой, и феей, и ангелом. Мои волосы были распущены и падали на плечи; мамы моих подруг заплели им косички или собрали волосы в хвост, но у моей не было на это времени. Она весь день бегала по делам и не могла даже забрать меня из школы, поэтому мне пришлось незаметно ускользнуть — нам не разрешали уходить без родителей. Мама не успевала меня забрать довольно часто, и тогда меня забирала миссис Ритчи и присматривала за мной; моя милая и любящая бабушка умерла три года назад, и с тех пор в моей жизни поселился хаос.

В те дни, когда миссис Ритчи приходилось присматривать за мной, я старалась как можно больше времени проводить на улице, чтобы не раздражать ее своим присутствием и не вынуждать сообщать об этом безобразии в социальную службу или куда-то еще. Мама всегда говорила, что нам нельзя рассказывать о том, что ее часто не бывает дома, а если бы кто-нибудь спросил, где она, нужно было сказать, что она ушла за покупками.

Но тогда был декабрь, и я не могла находиться на улице слишком долго. Я ждала маму на кухне миссис Ритчи. В тот день мы должны были показывать в школе рождественскую пьесу, и она обещала прийти. Миссис Ритчи налила мне и двоим своим сыновьям-подросткам чай, и тогда я объяснила, что мне нужно в школу, поскольку я участвую в пьесе. Она не закатила глаза, как я ожидала, а провела рукой по щеке.

«Я подвезу тебя, — предложила она. — Уверена, твоя мама будет там». Пока она надевала пальто, я слышала, как она пробормотала: «Никогда не поверю, что за ночь можно бросить пить. Вот так просто, за одну ночь, чтобы явиться на представление ради дочери...»

Я понимала, что она говорит о моей матери, но не хотела это слышать. Притворилась, что ничего не услышала. Ведь моя мама придет и тем самым докажет, что миссис Ритчи неправа. Возможно, от нее будет не очень приятно пахнуть и она, с трудом держась на ногах, будет говорить странные вещи, вести себя агрессивно, но она придет.

Итак, мы приехали в школу. На мне была корона из фольги и туника поверх серой школьной юбки, на ногах — кроссовки. Другие девочки были в балетках, белых чулках и красивых нарядах. Но, несмотря на это, я чувствовала себя такой особенной, исключительной, что не могла дожидаться, когда же выйду на сцену и покажу всем ангела во всей красе. Мама будет в восторге. Она посмотрит на меня и подумает, что я у нее очень красивая, и ночью никуда не уйдет. Она подогреет нам молоко или сварит какао, и мы свернемся калачиком на диване и будем смотреть телевизор. Она не будет просить принести ей выпивку и приглашать своих странных друзей, не давая полночи уснуть от страха из-за их криков и драк.

Сегодня ночью будем только мы вдвоем.

Представление закончилось очень быстро. Яркий свет софитов, которые учителя одолжили в местном клубе, настолько ослеплял, что я едва ли могла разглядеть лицо мамы. Восторженные аплодисменты вселяли надежду на то, что ей понравилось. Под занавес мы стояли на сцене все вместе и исполняли «Джингл Беллз». Иосиф и Мария держали на руках куклу — Иисуса. К тому времени софиты погасли, и я внимательно вглядывалась в зал, пытаясь отыскать мамино лицо. Но ее там не было.

Надежда начала покидать меня, и казалось, что земля уходит из-под ног. В глазах стояли слезы, но я отчаянно пыталась сдержаться и не расплакаться.

Может быть, я просто не увидела ее. Может, она сидела где-то сзади, за чьими-то родителями. Она должна быть там, я знала это.

Но внутренний голос настойчиво шептал: *Она не сдержала обещания. В очередной раз. Она не увидит тебя в серебристой короне и длинной блестящей белой тунике. Ее здесь нет, она вообще не пришла на представление.*

По моей щеке скатилась теплая слезинка, и в этот момент мне захотелось умереть, так мне было неловко. Меня переполняла грусть, и я уже не могла держать себя в руках.

Дальше все было как в тумане. Учителя снимали с нас костюмы и говорили, что мы хорошо справились со своими ролями. Потом все кинулись к родителям, которые с нетерпением нас ждали.

Но меня никто не ждал. И я никуда не побежала.

— Где моя мама? — беспомощно спросила я мисс Картер.

Я отчетливо помню то ощущение — будто ты стоишь на краю обрыва и смотришь вниз. Оно осталось со мной

на всю жизнь. Я всегда чувствовала, что вот-вот могу упасть.

Я видела, как учителя переговариваются между собой. Что со мной делать? Тогда еще не было мобильных телефонов, а по домашнему никто не отвечал. Наконец-то пришла миссис Ритчи. Сказала, что видела, как моя мама тащилась домой.

— Агнес не в состоянии забрать Анну, — сказала она мисс Картер. — Она спросила, кто такая Анна. Затем сказала, что, наверное, это как-то связано с работой.

Она спросила, кто такая Анна.

Миссис Ритчи была вне себя, ее движения были резкими.

— Иди сюда, дорогуша, — чуть ли не с нежностью обратилась она ко мне. — Говорят, ты была настоящей красавицей в костюме ангела...

— Где моя мама? — снова спросила я. В этот раз слезы ручьями текли по моим щекам. И вдруг я разрыдалась. Я была так сильно расстроена, что мне даже не было стыдно.

— Не беспокойся. Мы это выясним, — сказала, поджав губы, миссис Ритчи, когда мы уже шли к машине.

Я видела, что она злится. Теперь я понимаю, что злилась она на мою мать, а не на меня, но тогда я этого не осознавала. Я была напугана. Думала только о том, что моя мать не сдержала очередного обещания и что неизвестно, где она находится.

Затем всплыло другое воспоминание — о том, как тот вечер закончился.

Я стараюсь не думать о том случае, но иногда память сама воскрешает его, невзирая на мои старания забыть о нем.

Вернувшись домой, я обнаружила маму развалившейся на полу в гостиной. Я поднялась за стеганым одеялом

и укрыла ее, а сама легла спать на диване, не снимая костюм ангела, в надежде на то, что она наконец-то увидит его, когда проснется. Нам разрешали забирать костюмы домой, чтобы мамы постирали их и вернули чистыми.

Наконец-то настало утро. Я пыталась разбудить маму и показать ей свое платье, но она только кричала на меня, бросаясь пустыми бутылками. Я была напугана, но мне казалось, что после душа и кофе ей станет лучше, поэтому попробовала разбудить ее еще раз. Тогда все то, что она выпила и съела, выплеснулось на мой наряд, на мой замечательный наряд ангела, и теперь он был испачкан и вонял так, будто его принесли с помойки.

Это было только начало.

В тот вечер, когда Ава поинтересовалась, где же ее мама, я решила оставить ее в покое, хотя эти слова шокировали меня. Просто это был не самый подходящий момент для расспросов, тем более после трех дней молчания и отказа от еды. Она не могла уснуть, поэтому я принесла ей теплого молока. Она попросила меда. Отправившись на кухню, я подумала, что она ведь никогда его не любила. Но тогда меня беспокоило кое-что более существенное, чем изменение ее вкусовых предпочтений. Мы в который раз посмотрели «Холодное сердце», забравшись под одеяло вместе с Камиллой.

И хотя странный вопрос Авы озаботил меня, я списала его на шок, который ей пришлось пережить. На протяжении следующих нескольких дней я едва ли вспоминала об этом. Но она изменилась, что-то в ней изменилось за те три дня, в течение которых она не разговаривала и не ела. Да, она снова была веселой и бодрой, как и прежде, но время от времени ее охватывала грусть, а взгляд был устремлен куда-то вдаль, будто она видела что-то, чего не

могла видеть я, или вспоминала весьма отдаленное прошлое.

Прошла неделя. По пути из школы домой Ава перепрыгивала лужи в своих ярко-красных резиновых сапожках, а я расспрашивала ее об уроке танцев.

— Скоро нам придется покупать тебе новое трико, ты так быстро выросла... — сказала я, и тут она внезапно остановилась и подняла голову. — Ну же, детка, у нас осталось всего полчаса, а нам нужно еще успеть переодеться...

Это был тот самый взгляд вдаль, который я заметила раньше. Казалось, что она здесь и в то же время где-то далеко. Она замерла на мгновение, пытаясь уловить запах ветра, затем, опустив голову, посмотрела в лужу. Я видела ее отражение — на ней была красная курточка, ее темные волосы были заплетены в косички, а личико напоминало бледную луну.

— Я вспомнила, — сказала она.

Не знаю почему, но от этих абсолютно обычных слов у меня по коже пробежал мороз. Возможно, в ее интонации, в ее затуманенном, отстраненном взгляде было что-то необычное; возможно, какая-то часть меня *знала*, что в ее голове творится что-то неладное.

— О чем ты вспомнила? — спокойно спросила я.

Мимо прошли два мальчика старше Авы, в пиджаках. Они, держа руки в карманах, громко смеялись, и я не услышала ее ответа.

— Что ты сказала?

— Я вспомнила, как однажды шел дождь и я прыгала по лужам, — ответила она.

Я испытала невероятное облегчение.

— Конечно, и не раз. Пойдем, иначе мы опоздаем...

— Как-то раз мама привела меня на пляж, а на песке были лужи. Тогда она сказала, что они похожи на малень-

кие моря. Мы увидели рыбешку, которая плавала в лужице. Она взяла ее в руки и выпустила в море. Она бежала по песку, смеясь, и сказала, что рыбешка очень скользкая.

Вспоминая об этом, Ава и сама засмеялась. Я молча смотрела на нее. Она пошла дальше, чуть подпрыгивая на ходу, как она любила делать.

— Ну же, мама! Мы опоздаем на урок танцев! — крикнула она, будто ничего не случилось.

Во время урока танцев, пока Ава и ее подружки кружились в своих трико, словно маленькие розовые уточки, я думала о том, что она сказала. В голове играла одна и та же пластинка — я снова и снова прокручивала ее слова.

Она бежала по песку, смеясь, и сказала, что рыбешка очень скользкая...

Кем была женщина, о которой рассказывала Ава? Та, которую она называла своей матерью?

Но спросить я не решалась. Мне было страшно.

Последующие месяцы были самыми странными в моей жизни. В принципе, все вернулось в привычное русло, если не считать Тоби. Но в голове Авы происходило что-то невообразимое.

Она ни разу не поинтересовалась, где ее папа. Через несколько дней после того, как она вернулась в школу, я убрала все вещи Тоби в коробки, чтобы отдать их его матери. Они больше не могли оставаться здесь. Я сложила их в шкаф, чтобы Ава не нашла. Но кое-что спрятать забыла: его любимый джемпер, эту истрепанную вещь, которую он носил с тех пор, как мы познакомились. Войдя в комнату, я увидела, что Ава держит джемпер в руках и молча смотрит на него. Ее лицо выражало недоумение, будто она пыталась постичь что-то необъятное,

что-то важное, что-то, что не так легко понять с первого взгляда.

— Ава... — начала я, подумав, что ее нужно успокоить.

Она тут же выпустила джемпер из рук, будто ошпарилась, и повернулась ко мне.

— Я пошла смотреть телевизор, — выпалила она и убежала из комнаты.

Ей не хотелось говорить об этом, так что я больше никогда не поднимала эту тему, не переставая беспокоиться из-за того, что внутри ее накопилась боль и она не знает, как ее с кем-нибудь разделить.

Вместо этого она продолжала говорить о своей *другой маме* и о том, чем они занимались вместе. Она никогда не вдавалась в подробности, и я не могла понять это, потому что больше она ничего не *помнила*, как она выражалась, или потому, что в ее голове происходило столько всего, что она смогла показать мне только верхушку айсберга.

Это повторялось снова и снова. Странные воспоминания продолжали всплывать. Как-то раз, когда я купала ее, она рассказала, что когда-то у нее был халат в белую и зеленую полоску.

— Это было у бабушки Харт? — спросила я.

Она отрицательно покачала головой, разбрасывая пену с волос.

— Нет, это было в другом моем доме.

За завтраком она рассказывала, что у нее была тарелка для каши с кроликом.

— Нет, бабушка Харт не кормила меня кашей! — опередила она мой вопрос. — Моя другая мама давала мне кашу!

На уроке танцев она рассказала, что когда-то танцевала не в розовых, а в черных туфлях. А перед представлением мама вплетала в ее волосы красную ленту.

Благодарность

Выражаю огромную благодарность Шериз Хоббс, Ариелле Файнер, Вики Палмер, всей команде *Headline* и *United Agents*, Иванне Форнере (мамочке!), Эдуардо Сакердоти, Франческе Мейнарди, Ирен Заино, Филу Миллеру, Габриэлле Верес и Симоне Санфилиппо.

И, как всегда, Россу, Сорели и Луке. За все.

Содержание

Пролог. Маленькая душа	7
1. Снег в марте	11
2. Все, что останется	15
3. Душа дома	52
4. Морская звезда	70
5. Место с камнями и водой	82
6. Местные жители	99
7. Церемония Благословения лодок	104
8. Жизнь ради других	112
9. Отслеживая следы на песке	119
10. Планета и ее луна	134
11. Выживание	144
12. Мост в океане	153
13. Тьма перед рассветом	164
14. Ты — моя любовь	171
15. О чем знают мамы	189
16. Не увози меня	209
17. Это место я называю домом	220
18. Бумага и водоросли	230
19. Дельфины	233
20. Безответная любовь	241
21. Облако Химиико	247
22. Движущая сила	254

23. Что такое семья	260
24. Береги меня	277
25. Мечты и надежды	290
26. Не дай меня в обиду	298
27. Ледяная вода	304
28. Конец и начало	311
29. Сила крови	317
30. Записки прожорливому морю	320
31. Мои двери всегда открыты	325
32. Песня Айлы	328
Эпилог.....	329
Благодарность	331

Літературно-художнє видання

САКЕРДОТІ Данієла
Не дай мене образити
Роман
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *О. В. Приходченко*
Редактор *В. М. Комісарова*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *О. Є. Шишацький*

Підписано до друку 11.04.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Literaturna». Ум. друк. арк. 17,64. Наклад 3200 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: corp@bookclub.ua

Віддруковано з готових діапозитивів на ПП «ЮНІСОФТ»
Свідоцтво ДК №3461 від 14.04.2009 р. www.unisoft.ua
61036, м. Харків, вул. Морозова, 13Б

UNISOFT

Литературно-художественное издание

САКЕРДОТИ Даниэла
Не дай меня в обиду
Роман

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Приходченко*
Редактор *В. М. Комиссарова*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *А. Е. Шишацкий*

Подписано в печать 11.04.2018. Формат 84х108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Literatupaya». Усл. печ. л. 17,64. Тираж 3200 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано с готовых диапозитивов на ЧП «ЮНИСОФТ»
Свидетельство ДК №3461 от 14.04.2009 г. www.unisoft.ua
61036, г. Харьков, ул. Морозова, 13Б

UNISOFT

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Анна і Тобі розлучилися. Шокована розривом між батьками, маленька Ава втрачає здатність говорити. Але через три дні дар мови повертається до дівчинки. І разом з ним — дивні спогади, наче з іншого життя. Вона раз у раз говорить про чудовий шотландський острів і називає його домівкою. Щоб розібратися в усьому, Анна з дочкою приїжджає до Шотландії. Там вони знайомляться з Сорреном. Його сестри не стало п'ятнадцять років тому, але в розповідях Ави він упізнає її, трагічно загинулу Айлу... Що пов'язує всіх цих людей? Яка таємниця?

Сакердоти Д.

С15 Не дай меня в обиду : роман / Даниэла Сакердоти ; пер. с англ. Т. Кирилук. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2018. — 336 с.

ISBN 978-617-12-4780-2

ISBN 978-1-4722-3501-5 (англ.)

Анна и Тоби расстались. Шокированная разрывом между родителями, маленькая Ава теряет способность говорить. Но через три дня дар речи возвращается к девочке. И вместе с ним — странные воспоминания, как будто из другой жизни. Она твердит о прекрасном шотландском острове и называет его домом. Чтобы разобраться во всем, Анна с дочерью приезжает в Шотландию. Там они знакомятся с Сорреном. Его сестры не стало пятнадцать лет назад, но в рассказах Авы он узнает ее, трагически погибшую Айлу... Что связывает всех этих людей? Какая тайна?

УДК 821.111